



Анатоль Франс — французский писатель, литературный критик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1921)

Монах Пафнутий отринул земные наслаждения, посвятив себя служению Богу. Хотя уста монаха произносят молитвы, мысли его занимает актриса Таис. Она прекрасна в своем грехе. Сердце Пафнутия разрывают терзания. Он решает помочь ей очиститься от греха. Вера — вот что предлагает Пафнутий девушке взамен на ее жизнь, полную развлечений, пиров и искушений. Но прав ли Пафнутий, подавляя в себе любовь...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-8202-5



9 786171 282025



Анатоль Франс

ТАИС



Анатоль Франс
ТАИС

Прекрасна в своем грехе



Anatole France

THAIS

ROMAN

Анатоль Франс

ТАИС

Прекрасна в своем грехе

РОМАН

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2020  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Ф83



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского *Елены Соломарской*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

В оформлении обложки использована картина
Альфонса Мухи «Живопись». Серия «Искусство», 1898

ISBN 978-617-12-8202-5

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

I

Лотос

Когда-то давным-давно в пустыне жили отшельники. По берегам Нила были разбросаны сооруженные ими из веток и глины бесчисленные хижины, находившиеся, однако, одна от другой на таком расстоянии, чтобы их обитатели в случае необходимости могли помочь друг другу. Коегде над хижинами высились церкви, увенчанные крестами, и монахи ходили туда по праздничным дням, чтобы принять участие в богослужениях и причаститься. На самом берегу реки стояли также обители, в которых затворники, заточившиеся каждый в отдельной келье, селились лишь для того, чтобы еще более ощутить одиночество.

Отшельники и монахи соблюдали воздержание и принимали пищу только после захода солнца, вкушая лишь хлеб с толикой соли и иссопа¹.

¹ Иссоп — пряное растение, которое использовалось также в качестве кропила. (*Здесь и далее прим. пер.*)

Некоторые, уходя далеко в пустыню, находили себе пристанище в какой-нибудь пещере или гробнице и вели еще более уединенную жизнь.

Все блюли целомудрие, носили власяницу и куколь, спали на голой земле после долгих бдений, молились, пели псалмы — то есть каждый день совершали чудеса покаяния. Памятуя о первородном грехе, они отказывали своему телу не только в радостях и удовольствиях, но даже в той заботе, которая считается необходимой в соответствии с мирскими представлениями. Они считали, что наши болезни очищают наши души и что лучшим украшением плоти являются язвы и раны. Так исполнялось слово пророков, сказавших: «Пустыня покроется цветами».

Некоторые жители этой святой Фиваиды¹ проводили свои дни в созерцании и аскетизме, другие зарабатывали на пропитание плетением пальмовых волокон или занимались на время жатвы работниками к местным земледельцам. Язычники подозревали, что некоторые монахи живут разбоем, присоединяясь к кочевникам-арабам, грабящим караваны. Однако отшельники презирали богатство, и фимиам их благочестия возносился к небесам.

¹ Фиваида — название Верхнего Египта, от греческого названия его столицы Фив.

Ангелы в обличье молодых людей с посохами в руках навещали жилища отшельников как путешественники, а демоны под видом эфиопов или диких зверей бродили поблизости, пытаясь ввести их в искушение. Придя утром к источнику, чтобы наполнить кувшины водой, монахи видели на песке следы сатиров и кентавров. С духовной точки зрения Фиваида являла собою поле битвы, где непрерывно, но особенно ночью, происходили священные сражения между Небесами и преисподней.

Аскеты, осаждаемые полчищами нечистых, защищались от них благодаря вере в Бога и ангелов его, приняв обет покаяния и умерщвления плоти. Иногда жало плотских желаний терзало их так жестоко, что они вопили от боли, и их стенаниям вторил под звездным небом хохот голодных гиен. И тогда демоны представляли перед ними в соблазнительных обличьях. Ведь бесы могут иногда прикрыть свое уродство внешней красотой, которая не даст увидеть их подлинную сущность. Аскеты Фиваиды жили в своих кельях в страхе, созерцая дивные образы, которых не могли себе даже вообразить величайшие мирские распутники. Но на отшельниках был знак креста, и это помогало им не поддаваться искушению — потому злые духи бежали на заре, приняв свое истинное обличье, исполненные стыда и ярости. Нередко можно было встретить утром одного из них, шедшего прочь

в слезах и отвечавшего на вопросы так: «Я стелю и плачу, потому что один из живущих здесь христиан отхлестал меня розгами и изгнал с позором».

Старейшины пустыни распространяли свою власть на грешников и неверных. Их доброта подчас бывала ужасна. Они унаследовали от апостолов право карать за преступления против истинного Бога, и ничто не могло спасти тех, кого они осудили. Жители других городов и даже Александрии с ужасом говорили о том, что земля разверзалась, поглощая грешников, которых они ударяли своим посохом. Поэтому их очень боялись люди, ведущие жизнь неправедную, особенно актеры-мимы, шуты, женатые священники и блудницы.

Праведность этих монахов была такова, что им подчинялись даже свирепые звери. Когда один отшельник готов был уже отойти в мир иной, лев лапами вырыл ему могилу. Святой отец, догадавшись по этому знаку, что Бог призывает его к себе, пошел облобызать своих собратьев на прощание. Затем он с радостью лег в могилу, чтобы почить в Бозе.

И вот, когда Антоний, которому было уже более ста лет, удалился на гору Кольцинскую со своими любимыми учениками Макарием и Амафасом, не было во всей Фиваиде монаха более усердного, чем Пафнутий, антинопольский на-

стоятель. По правде говоря, Ефрем и Серапион руководили множеством монахов и прославились земным и духовным руководством своих монастырей, но Пафнутий более строго держал пост и иногда голодал по три дня подряд. Он носил власяницу более жесткую, бичевал себя утром и вечером и часто падал ниц и долго лежал на земле.

Его двадцать четыре ученика, построившие хижины рядом с пристанищем отшельника, подражали его аскетизму. Он горячо любил их во Христе и постоянно призывал к покаянию. Среди его духовных чад были мужчины, которые много лет занимались разбоем, но увещания праведного настоятеля растрогали их настолько, что они приняли монашеский постриг. Чистота их жизни стала примером для их собратьев. Был среди них и постоянно ливший слезы бывший повар королевы Абиссинии, которого тоже обратил в истинную веру антинопольский настоятель, и диакон Флавиан, который отлично знал Писание и был наделен даром красноречия. Но самым замечательным из учеников Пафнутия был молодой крестьянин по имени Павел, которого прозвали Юродивым за крайнюю наивность. Люди смеялись над его простодушием, но Бог к нему благоволил и наделил его даром пророчества, посылая ему видения.

Пафнутий заслужил благодать, посвящая все время обучению учеников и практике аскетизма. Он также часто размышлял над священными

книгами, стараясь найти в них аллегории. Вот почему, будучи еще довольно молод, он имел множество заслуг. Бесы, осаждавшие добрых отшельников, не осмеливались приблизиться к нему. Ночью, при свете луны, семь маленьких шакалов сидели возле его хижины неподвижно и тихо, наострив уши. Считают, что это были семь демонов, которым он преградил путь силою своей святости.

Пафнутий родился в Александрии и был сыном благородных родителей, которые обучили его светским наукам. Его вводили в соблазн вымыслы поэтов, и в ранней юности он так заблуждался, а мысли его шли по столь неверному пути, что он верил, будто род людской утонул в водах потопа во времена Девкалиона¹, и дискутировал со своими соучениками о природе, символах и даже о самом существовании Бога. Он вел тогда беспутную жизнь, подобно всем язычникам. Об этом времени он вспоминал со стыдом и смирением.

— В те дни, — говорил он собратьям, — я предавался ложным удовольствиям.

Он хотел этим сказать, что ел искусно приготовленные мясные блюда и посещал общественные бани. И так в миру жил он до двадцати лет

¹ Согласно греческому мифу, сын Прометея, правитель, переживший потоп.

жизнью, которую следовало бы скорее назвать смертью. Но, вняв наставлениям отца Макрина, стал другим человеком.

Пафнутий имел обыкновение повторять, что правда пронзила его, будто кинжал. Он уверовал в крестный путь и возлюбил распятого Христа. После крещения он еще год оставался среди мирян, где его удерживала сила привычки. Но однажды, войдя в церковь, он услышал, как дьякон читает стих из Святого Писания: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим». Он сразу же продал все свое имущество, раздал нищим вырученные деньги и принял монашеский постриг.

И те десять лет, которые провел вдали от людей, он больше не предавался плотским утехам, но залечивал тело и душу целительным бальзамом покаяния.

Итак, однажды, когда по своей благочестивой привычке он вспоминал часы, прожитые вдали от Бога, и анализировал все свои ошибки, чтобы постичь все их безобразие, он вспомнил, как в театре Александрии увидел красавицу-актрису по имени Таис. Эта женщина выступала на сцене, не гнушаясь участвовать в танцах, движения которых, отработанные с невероятной точностью, отражали самые похотливые страсти. Она также изображала некоторые из тех постыдных действий, которые языческие мифы приписывают

Венере, Леде или Пасифае¹. Так она разжигала в зрителях огонь похоти; а когда красивые юноши или богатые старики, воспылав к ней любовью, вешали гирлянды цветов над дверью ее дома, она их принимала и отдавалась им. Погубив свою душу, она погубила и множество других.

Таис чуть было не ввела в плотский грех и самого Пафнутия. Она зажгла в его крови желание, и однажды он приблизился к дому Таис. Но на пороге дома блудницы его остановила естественная робость ранней юности (ему тогда было пятнадцать лет) и боязнь быть отвергнутым из-за отсутствия денег, ибо его родители следили за его расходами. Бог в своем милосердии поставил эти две преграды, чтобы спасти юношу от падения. Но Пафнутий сначала вовсе не был ему благодарен, так как в то время плохо понимал собственное благо и жаждал ложных утех. Итак, стоя на коленях в своей келье перед деревянным крестом, на котором был распят Спаситель мира, Пафнутий думал о Таис, ибо она была его грехом, и он долго размышлял с точки зрения аскетизма о страшном уродстве плотских утех, вкус к которым разбудила в нем эта женщина, о днях смущения и невежества. После нескольких часов таких размышлений образ Таис предстал перед ним чрезвычайно ясно.

¹ Согласно греческим мифам, Венера — богиня страсти, Леда полюбила Зевса, явившегося к ней в образе лебедя, а Пасифая воспылала страстью к быку.

Она явилась ему искусительницей, прекрасной во плоти своей. Сначала она предстала перед ним в образе Леды, раскинувшейся на богатом ложе, запрокинув голову. Глаза ее были влажны и металы молнии, ноздри трепетали, рот был приоткрыт, молодая грудь прекрасна, а руки напоминали два ручейка. Представляя себе ее, Пафнутий бил себя в грудь и повторял:

— Господь мне свидетель, я осознаю всю гнусность моего греха!

Однако образ незаметно менялся. Опущенные кончики губ Таис свидетельствовали о ее тайном страдании. В расширившихся глазах ее сверкали слезы, из груди вырывались стоны, а дыхание было прерывистым. При виде ее преображения Пафнутий был смущен до глубины души. Простершись на земле, он начал читать молитву:

— Ты, вселивший в наши сердца жалость, подобную утренней росе на лугу, справедливый и милосердный Боже, будь благословен! Слава, слава тебе! Избави раба Твоего от этой ложной нежности, которая ведет к похоти, и позволь мне любить все создания только в Тебе, ибо они преходящи, а Ты вечен. Если меня и интересует эта женщина, то лишь потому, что она Твое творение. Сами ангелы заботливо склоняются над нею. Разве она не есть, Господи, Твое дыхание? Нельзя позволить, чтобы она продолжала грешить со столькими своими согражданами и иноземцами.

Великую жалость испытываю я к ней. Преступления ее отвратительны, при одной мысли о них я содрогаюсь и чувствую, как волосы мои становятся дыбом. Но чем более она виновна, тем сильнее я должен ее жалеть. Я плачу, думая о том, что бесы будут терзать ее вечно.

Размышляя подобным образом, он увидел, что маленький шакал сел у его ног. Он был чрезвычайно удивлен, так как дверь в его келью была заперта с утра. Животное как будто прочитало мысли монаха и завиляло хвостом, как собака. Пафнутий перекрестился: зверь исчез. Поняв тогда, что впервые дьявол проскользнул в его комнату, он прочитал краткую молитву, а потом снова подумал о Таис.

— С Божией помощью, — сказал он себе, — я должен ее спасти!

И уснул.

На следующий день, помолившись, он отправился к святому человеку, Палемону, который в некотором отдалении от его хижины вел жизнь отшельника. Пафнутий застал его в саду, где тот по своему обыкновению со спокойной улыбкой копал землю. Палемон был стар, дикие звери лизали ему руки, а бесы уже не мучили его.

— Хвала Господу, брат Пафнутий! — сказал он, опершись на лопату.

— Хвала Господу! — ответил Пафнутий. — Да пребудет с тобой мир, брат мой!

— И с тобой да пребудет мир, брат мой Пафнутий! — ответил старец Палемон, утирая рукавом пот со лба.

— Брат Палемон, все наши речи должны славить Того, кто обещал прийти к людям, которые собираются во имя его. Вот почему я хочу поговорить с тобой о том, что задумал совершить во славу Господню.

— Да благословит Господь твой замысел, Пафнутий, так же, как он благословил мой салат! Каждое утро он благословляет меня росой в моем саду, а я славлю его огурцами и тыквами, которые он мне посылает. Помолимся же, чтобы он и впредь даровал нам покой, ибо нет ничего страшнее смятения, терзающего наши сердца. Когда наше сердце мечется, мы становимся похожи на пьяниц и шатаемся то вправо, то влево, готовые постыдно упасть. Иногда эти метания вызывают у нас бурную радость, и тот, кто ей предается, оскверняет воздух безбожным хохотом. Эта постыдная радость ввергает грешника во всякого рода прелюбодеяния. Но иногда также это смятение души и чувств ввергает нас в кошунственную грусть, в тысячу раз более пагубную, чем радость. Брат Пафнутий, я всего лишь несчастный грешник, но за долгую жизнь понял, что у отшельника нет большего врага, чем грусть. Я говорю о том глубоком унынии, которое окутывает душу, как туман, и скрывает от нее

свет Господень. Нет ничего более опасного для спасения души, и дьявол одерживает самую большую победу, когда вселяет это испепеляющее черное чувство в душу монаха. Если бы посылал нам лишь радостные искушения, он и наполовину не был бы так опасен. Увы! Ему прекрасно удастся нас печалить. Разве не посылал он нашему отцу Антонию видение черного ребенка такой красоты, что вид его вызывал слезы? С Божией помощью наш отец Антоний избежал искушения дьявола. Я познакомился с ним, когда он еще жил среди нас; он радовался вместе со своими учениками и никогда не впадал в уныние. Но ведь ты, брат мой, пришел рассказать мне о своем замысле? Я буду рад, если ты поведаешь мне о нем, если только это замысел во славу Господню.

— Брат Палемон, я истинно хочу славить Господа. Укрепи же меня своим советом, ибо ты многоопытен и грех никогда не затмевал света твоей мудрости.

— Брат Пафнутий, я недостоин того, чтобы развязать ремешки твоих сандалий, и прегрешения мои так же бесчисленны, как песчинки в пустыне. Но я стар и опытен и не откажу тебе в помощи советом.

— Признаюсь тебе, брат Палемон, что я стражду, думая о том, что живущая в Александрии гетера по имени Таис пребывает во грехе и вводит людей в соблазн.

— Брат Пафнутий, это действительно мерзость, о которой подобает скорбеть. Среди язычников многие женщины живут подобным образом. Ты нашел лекарство от этого великого зла?

— Брат Палемон, я хочу пойти в Александрию, найти эту женщину и с Божией помощью обратиться ее в веру истинную. Таков мой замысел. Одобришь ли ты его, брат мой?

— Брат Пафнутий, я лишь несчастный грешник, но наш отец Антоний имел обыкновение говорить: «Где бы ты ни находился, не спеши покинуть это место».

— Брат Палемон, узрел ли ты что-то нехорошее в моем замысле?

— Милый Пафнутий, упаси меня Господи сомневаться в намерениях брата моего! Но отец наш Антоний также говорил: «Если рыбу вытащить из воды, она умрет, подобно тому как монах, который покинет свою келью и пойдет к мирянам, отклонится от пути праведного».

Сказав это, старец Палемон вонзил в землю острие лопаты и начал усердно окапывать землю вокруг молодой яблони. Пока он копал, газель, вмиг, не примяв листвы, перепрыгнувшая через окружавшую сад изгородь, остановилась, удивленная и испуганная, трепеща, а затем в два прыжка приблизилась к старцу и положила изящную голову на грудь своего друга.

— Да благословен будет Господь в пустынной газели! — сказал Палемон.

Он взял в своей хижине ломоть черного хлеба, и изящная газель принялась есть из его рук. Пафнутий стоял некоторое время, задумавшись, глядя на дорожные камни. Затем он медленно пошел в свою келью, размышляя об услышанном. Он крепко задумался.

«Этот отшельник, — думал он, — хороший человек, он весьма осторожен. И он сомневается в мудрости моего замысла. Однако мне тяжело было бы и далее оставлять Таис во власти одолевшего ее демона. Пусть Господь просветит и наставит меня!»

Продолжая свой путь, он увидел ржанку, попавшую в сеть, которую какой-то охотник расставил на песке, и понял, что это самка, так как самец подлетел к ней и стал клювом разрывать ее ячейки, пока там не образовалось отверстие, через которое его подруге удалось выбраться. Божий человек, наблюдая за этим зрелищем, понял мистический смысл вещей: он догадался, что пойманной птичкой была Таис, попавшая в мерзостные сети, и что, подобно самцу ржанки, разрывавшему своим клювом конопляную сеть, ему надлежало разорвать своими пламенными речами невидимые нити, которые удерживали Таис во грехе. Пафнутий воздал хвалу Господу и укрепился в своем первоначальном решении. Но затем он

увидел, как лапки самца запутались в сети, которую он только что разорвал, и его вновь одолели сомнения.

Он не спал всю ночь, и на заре ему было видение. Вновь ему явилась Таис. На лице ее не лежала печать греховной похоти, и на ней не было ее привычных прозрачных одежд. Она была закутана в саван, который скрывал даже часть лица ее, так что настоятель видел только глаза, из которых лились сверкающие слезы.

Тогда он и сам заплакал, думая, что это видение было послано ему Господом, и утвердился в первоначальном решении. Он встал, взял узловатый посох — символ христианской веры, вышел из своей кельи, тщательно закрыв за собой дверь, чтобы живущие в пустыне животные и птицы небесные не могли испачкать книг Святого Писания, лежавших у изголовья его кровати, позвал дьякона Флавиана и поручил ему руководство своими двадцатью тремя учениками. Затем, одетый лишь в длинную власяницу, направился к Нилу, решив пешком пройти вдоль ливийского берега до города, основанного Александром Македонским. От самой зари брел он по песку, пренебрегая усталостью, голодом и жаждой; солнце уже склонялось к горизонту, когда увидел он великую реку, несущую свои кровавые воды меж золотых скал и огня. Он пошел вдоль реки, испрашивая во имя Господа хлеба у дверей редких

хижин, и радостно принимал оскорбления, отказы и угрозы. Пафнутий не боялся ни разбойников, ни диких зверей, но старательно обходил города и деревни, лежавшие у него на пути. Он боялся наткнуться на детей, играющих в бабки возле дома, или увидеть возле колодца улыбающихся женщин с кувшинами и в голубых рубашках. Все может погубить отшельника: иной раз даже опасно прочесть в Святом Писании, что божественный учитель ходил из города в город и ужинал со своими учениками. Узоры, которые отшельники вышивают на ткани своей веры, столь же нежны, сколь и великолепны: мирское же прикосновение может заставить цвета поблекнуть. Вот отчего Пафнутий избегал заходить в города, опасаясь, как бы его сердце не смягчилось при виде людей.

Он шел по безлюдным дорогам. По вечерам, когда легкий ветерок, лаская ветви тамарисков, заставлял их шелестеть, он, содрогаясь, надвигал куколь на глаза, чтобы не видеть окружающей красоты. После шести дней ходьбы он пришел в место, называемое Сильсиле. Река там течет по узкой долине, которую окаймляет двойная цепь гранитных гор. Именно там египтяне во времена, когда поклонялись демонам, высекли своих идолов.

Пафнутий увидел там огромную голову Сфинкса, еще не отделенную от скалы. Страхась, что

в ней заключена некая дьявольская сила, он перекрестился и произнес имя Иисуса, и тотчас же летучая мышь вылетела из одного уха зверя — Пафнутий понял, что он изгнал злого духа, гнездившегося в этой голове на протяжении нескольких веков. Набравшись решимости, он схватил большой камень и бросил в лицо идола. И тогда на загадочном лице Сфинкса отразилась такая глубокая грусть, что Пафнутий растрогался. В самом деле, выражение нечеловеческой боли, которым было отмечено это каменное лицо, растрогало бы самого бесчувственного человека. Вот почему Пафнутий сказал Сфинксу:

— О зверь, следуя примеру сатиров и кентавров, которых увидел в пустыне отец наш Антоний, признай божественную природу Иисуса Христа, и я благословлю тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

После этих слов розовый свет мелькнул в глазах Сфинкса, тяжелые веки его задрожали, и гранитные губы с трудом, как бы подражая голосу человека, вымолвили святое имя Иисуса Христа. Вот почему Пафнутий, простерши правую руку, благословил Сфинкса из Сильсиле.

Затем он продолжил путь. Когда долина расширилась, он увидел руины огромного города. Еще не разрушившиеся храмы поддерживались колоннами в виде идолов, и по попустительству Божию женские головы с коровьими рогами

вперяли свой пристальный взгляд в Пафнутия; он побледнел. Так шел он семнадцать дней, питаясь лишь травами и ночуя в разрушенных дворцах, среди одичавших кошек и крыс фараона, к которым иногда присоединялись женщины с туловищами, заканчивающимися рыбьими хвостами. Но Пафнутий знал, что эти женщины — порождение преисподней, и отгонял их, осеняя себя крестным знамением.

На восемнадцатый день он увидел вдали от селений жалкую хижину из пальмовых листьев, наполовину занесенную песком, который принес ветер пустыни. Он подошел к ней в надежде, что там живет какой-нибудь набожный отшельник. Двери у хижины не было, и он увидел внутри кувшин, немного луковиц и ложе из сухих листьев.

— Вот обстановка, достойная аскета, — сказал он себе. — Обычно отшельники не уходят надолго из своей хижины. Я обязательно с ним встречусь. Хочу дать ему поцелуй мира, по примеру святого отца Антония, который, пришедши к затворнику Павлу, облобызал его трижды. Мы поговорим о вечных материях, и, может быть, Господь пришлет нам ворона с хлебом, который хозяин предложит мне скромно разделить с ним.

Так разговаривая сам с собой, он обошел вокруг хижины в надежде увидеть кого-нибудь. Не прошел он и ста шагов, как увидел человека, си-

дящего со скрещенными ногами на берегу Нила. Человек был обнажен, его волосы и борода были абсолютно седыми, а тело было краснее кирпича. Пафнутий не усомнился, что это отшельник. Он приветствовал его словами, которыми обычно обмениваются при встрече монахи.

— Мир тебе, брат мой! Да будет тебе дано вкусить однажды сладость рая!

Человек ничего не ответил. Он сидел неподвижно и, казалось, не слышал приветствия. Пафнутий вообразил, что это молчание было вызвано блаженным восторгом, так свойственным святым людям. Сложив руки, он стал на колени рядом с незнакомцем и так молился до захода солнца. Тогда, увидев, что незнакомец не двигается, он сказал ему:

— Отец, если ты вышел из молитвенного созерцания, в которое был погружен, благослови меня во имя Господа нашего Иисуса Христа.

Человек ответил ему, не поворачивая головы:

— Незнакомец, я не понимаю, о чем ты говоришь, и я не знаком с этим Господом Иисусом Христом.

— Как?! — воскликнул Пафнутий. — Пророки предсказали его появление, легионы мучеников повторяли имя Его, даже Цезарь стал поклоняться ему, и вот совсем недавно я заставил Сфинкса из Сильсиле славить его имя. Возможно ли, что ты его не знаешь?

— Друг мой, — ответил тот, — это возможно. Это даже было бы совершенно очевидно, если бы в этом мире существовало хоть что-то очевидное.

Пафнутий был удивлен и огорчен невероятным неведением этого человека.

— Но если ты не знаешь Иисуса Христа, — сказал он, — тогда все твои труды будут напрасны и ты не заслужишь жизни вечной.

Старик ответил:

— Тщетно действовать или воздерживаться от действия; безразлично, жить или умереть.

— Но как же? — спросил Пафнутий. — Разве ты не хочешь жизни вечной? Скажи мне, не ты ли живешь в хижине в пустыне, подобно отшельникам?

— Возможно.

— Не ты ли живешь обнаженным и лишенным всего?

— Возможно.

— Не ты ли питаешься кореньями и не ты ли блюдешь целомудрие?

— Возможно.

— Не ты ли отказался от всей тщеты этого мира?

— Я действительно отказался от суетных вещей, которые обычно так заботят людей.

— Итак, ты, так же как и я, беден, целомудрен и одинок. Но ты поступаешь так не из любви

к Господу, как я, и не ради вечного блаженства. Этого я не могу понять. Для чего же ты добродетелен, если не веришь в Иисуса Христа? Для чего ты отказываешься от мирских благ, если не надеешься заслужить блага вечные?

— Незнакомец, я не отказываюсь ни от каких благ и надеюсь, что выбрал для себя удовлетворительный образ жизни, хотя на самом деле жизнь не может быть ни хорошей, ни плохой. Ничто само по себе не является ни достойным, ни постыдным, ни справедливым, ни несправедливым, ни приятным, ни тягостным, ни хорошим, ни плохим. Лишь суждения наделяют вещи определенными качествами, как соль придает вкус блюдам.

— Итак, ты считаешь, что ничто не очевидно. Ты отрицаешь истину, которую искали даже язычники. Ты покоишься в своем невежестве, как усталая собака, спящая в грязи.

— Незнакомец, бесполезно оскорблять как собак, так и философов. Нам не известно, что такое собаки и что такое мы сами. Мы не знаем ничего.

— О старец, не принадлежишь ли ты к нелепой секте скептиков? Не принадлежишь ли ты к тем жалким безумцам, которые отрицают движение и покой и не умеют отличить свет солнца от ночного сумрака?

— Друг мой, я действительно скептик и считаю свою секту достойной, тогда как ты ее считаешь

нелепой. Ибо одни и те же вещи имеют разные свойства. Пирамиды Мемфиса на закате кажутся конусами розового света. А на заходе солнца на фоне пылающего неба они выглядят как черные треугольники. Но кто поймет их сущность? Ты упрекаешь меня в том, что я отрицаю видимость, хотя, напротив, видимость — это единственная реальность, которую я признаю. Солнце мне кажется ярким, но его природа мне не известна. Я ощущаю жар огня, но не знаю, ни как, ни почему он так горяч. Друг мой, ты меня не понимаешь. Впрочем, совершенно безразлично быть понятым так или иначе.

— Спрашиваю еще раз: отчего ты живешь в пустыне и питаешься финиками и луком? Отчего ты подвергаешь себя таким страданиям? Я сам подвергаю себя страданиям и, как и ты, практикую воздержание и отшельничество. Но я это делаю, чтобы угодить Господу и заслужить вечное блаженство. И эта цель разумна, ибо разумно страдать в ожидании великого блага. И, напротив, неразумно сознательно изнурять себя и подвергать напрасным страданиям. Если бы я не верил — прости мне это святотатство, Ты, Свет предвечный! — если бы я не верил в истинность того, чему научил нас Всевышний через пророков, через жертву своего сына, через деяния апостолов, через постановления соборов и свидетельства мучеников, если бы я не знал, что телесные страда-

ния необходимы для здоровья души, если бы я, подобно тебе, прозябал в неведении святых тайн, то немедленно возвратился бы в мир, постарался бы скопить богатства, чтобы жить в достатке, как живут счастливы в этом мире, и сказал бы страстям: «Придите, дочери мои, придите, служанки мои, придите все и налейте мне вина, опьяните меня любовными напитками и благовониями». А ты, безумный старец, лишаешь себя всех преимуществ, терпишь страдания, не ожидая никакой выгоды, отдаешь, не надеясь ничего получить взамен, и нелепо подражаешь замечательным подвигам наших отшельников — так, как наглая обезьяна воображает, пачкая стену, что копирует картину прекрасного художника. О глупейший из людей, каковы же твои побуждения?

Пафнутий говорил страстно. Но старик был невозмутим.

— Друг мой, — ответил он мягко, — какое тебе дело до побуждений собаки, спящей в грязи, и зловредной обезьяны?

Пафнутий все время думал лишь о славе Господней. Гнев его прошел, и он извинился с подобающим смирением.

— Старче, брат мой, — сказал он, — прости меня за то, что любовь к правде позволила мне перейти границы дозволенного. Бог мне свидетель, меня возмутил не ты сам, а твое заблуждение. Мне больно видеть, что ты блуждаешь

в потемках, ибо я люблю тебя во Иисусе Христе и сердце мое исполнено заботы о твоём спасении. Говори, изложи мне свои доводы — мне не терпится их узнать, чтобы опровергнуть.

Старец ответил спокойно:

— Я одинаково расположен как говорить с тобой, так и молчать. Итак, я изложу тебе свои доводы, не спрашивая в ответ твоих, ибо ты меня совершенно не интересуешь. Мне безразличны и твоё счастье, и твоё несчастье, мне безразлично, думаешь ты так или иначе. И как бы я мог любить тебя или ненавидеть? И отвращение, и симпатия одинаково недостойны мудреца. Но поскольку ты меня спрашиваешь, я тебе отвечу, что зовут меня Тимокл и родился я на Косе у родителей, разбогатевших торговлей. Мой отец снаряжал корабли. Мудрость его очень напоминала мудрость Александра, которого прозвали Великим, но она была более гибкой. Можно сказать, он был человек слабый. У меня было двое братьев, которые пошли по его стопам. Мне же была любезна мудрость. Отец принудил моего старшего брата жениться на карианке по имени Тимесса, которая настолько ему не нравилась, что он не мог пребывать рядом с нею, не впадая в глубокое уныние. А меж тем Тимесса внушила моему младшему брату преступную любовь к ней, и эта любовь вскоре превратилась в пагубную страсть. Карианке же оба они были одинаково противны. Она

любила одного флейтиста и принимала его по ночам в своей спальне. Однажды утром он забыл там веночек, который обычно надевал во время празднеств. Мои братья, найдя этот веночек, поклялись убить флейтиста и на следующий же день засекали его хлыстом до смерти, невзирая на его мольбы и слезы. Моя невестка была в таком отчаянии, что утратила разум, и трое этих несчастных, подобно диким зверям, в безумстве выбежали на берега Коса и выли, как волки, не смея поднять глаз, сопровождаемые насмешливыми криками детей, бросавших в них ракушки. Они умерли, и мой отец сам похоронил их. Вскоре после этого он отказался принимать пищу и умер от голода, хотя был настолько богат, что мог скушать все мясо и фрукты на всех базарах Азии. Он был в отчаянии от того, что оставляет богатство мне. Я же потратил его на путешествия. Ездил по Италии, Греции и Африке, но не встретил там ни мудрых, ни счастливых людей. Я изучал философию в Афинах и Александрии и был оглушен неистовыми спорами. Наконец я добрался до Индии и увидел на берегу Ганга обнаженного человека, который сидел там неподвижно вот уже тридцать лет. Лианы обвили его иссохшее тело, и птицы свили гнезда в его волосах. Однако он был жив. Увидев его, я вспомнил Тимессу, флейтиста, моих братьев и отца и понял, в чем мудрость этого индуса. «Люди, — сказал я себе, — страдают

потому, что лишены того, что кажется им благом, или боятся это благо потерять, или же им приходится терпеть то, что они считают злом. Избавьтесь от подобных убеждений, и вы обретете счастье». Вот почему я принял решение ничто не считать благом, отрешиться от земных удовольствий и жить в одиночестве и безмятежности подобно тому индусу.

Пафнутий со вниманием выслушал рассказ старца.

— Тимокл Косский, — ответил он, — признаю, что слова твои не лишены смысла. В самом деле, мудро пренебрегать благами этого мира. Но неразумно пренебрегать также и благами вечными, подвергая себя гневу Господнему. Я скорблю о твоем невежестве и хочу преподать тебе истину, чтобы ты узнал, что Бог существует в трех ипостасях, и покорился Ему, как дитя покорно воле своего отца.

Но Тимокл прервал его:

— Остерегись, незнакомец, излагать мне свое учение и даже не мысли принудить меня разделить твои убеждения. Любые споры бессмысленны. Я предпочитаю не иметь никакого мнения. Я не ведаю тревог, потому что живу без предпочтений. Иди своей дорогой и не пытайся нарушить мое блаженное спокойствие, в коем я пребываю, как в благоуханной ванне, отдыхая от трудов дневных.

Пафнутий был сведущ в вопросах веры. Будучи знатоком людских сердец, он понял, что Господня благодать не снизошла на старого Тимокла и что спасение еще не обещано этой душе, упорно стремящейся к гибели. Он ничего не ответил, опасаясь, что наставление не будет услышано. Ибо случается иногда, что, вступая в спор с неверными, их вновь вводят в грех, вместо того чтобы обратить в веру истинную. Поэтому те, кто постиг истину, должны говорить о ней с осторожностью.

— Ну что ж, прощай, несчастный Тимокл! — сказал Пафнутий.

И, тяжело вздохнув, он продолжил в ночи свое благочестивое путешествие.

Утром на берегу реки Пафнутий увидел ибисов, неподвижно стоявших на одной ноге у кромки воды, в которой отражались их бледно-розовые шеи. Поодаль ивы склонили над водой свою мягкую серебристую листву, в безоблачном небе плыл журавлиный клин, а из камышей доносились крики невидимых цапель. Широкая река неслась вдаль свои зеленые воды, над которыми, как крылья птиц, скользили паруса; по берегам были разбросаны белые хижины, над водой поднимался пар, а из зелени островов, покрытых пальмами, фруктовыми деревьями и цветами, взмывали в небо шумные стаи уток, гусей, фламинго и чирков. Слева, до самой пустыни, простиралась

плодородная долина, покрытая полями и садами, колышущимися под дуновением ветра, солнце золотило колосья, и над богатой землей витал легкий аромат. Увидев этот пейзаж, Пафнутий опустился на колени и воскликнул:

— Благословен Господь, подвигнувший меня на это путешествие! Боже, окропивший росой смоковницы земли Арсиной¹, всели благодать в душу Таис, которую ты создал с такой же любовью, как цветы в полях и деревья в садах. Да расцветет она от моих забот, как благоуханная роза в твоём горнем Иерусалиме!

И всякий раз, увидев цветущее дерево или яркую птицу, думал он о Таис. Так, следуя по левому берегу реки, по плодородным и многолюдным местам, он за несколько дней добрался до Александрии, которую греки называли золотой и прекрасной. От рассвета минул уже час, когда с высоты холма Пафнутий увидел огромный город, над крышами которого поднимался розовый пар. Он остановился и, скрестив руки на груди, сказал себе:

— Так вот он, тот чудный край, где я был рожден во грехе, тот сладостный воздух, насыщенный пагубными ароматами, то полное неги море, где я слушал пение сирен! Вот моя земная колыбель, вот моя родина в миру! Цветущая ко-

¹ Земля Арсиной — Египет.

Літературно-художнє видання

ФРАНС Анатоль
Таїс
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *О. М. Шелест*
Редактор *І. Г. Веремій*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 28.09.2020.
Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 12,6.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ФРАНС Анатолий

Таис

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *О. Н. Шелест*
Редактор *И. Г. Веремей*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 28.09.2020.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Чернець Пафнутій відкинув земні насолоди, присвятивши себе служінню Богу. Хоча уста ченця промовляють молитви, думки його займає актриса Таїс. Вона прекрасна у своєму гріху. Серце Пафнутія страждає. Він вирішує допомогти їй очиститися від гріха. Віра — ось що пропонує Пафнутій дівчині в обмін на її життя, сповнене розваг, бенкетів та спокус. Але чи правий Пафнутій, пригнічуючи в собі кохання...

Франс А.

Ф83 Таис / Анатолий Франс : пер. с фр. Е. Соломарской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 240 с.

ISBN 978-617-12-8202-5

Монах Пафнутий отрунул земные наслаждения, посвятив себя служению Богу. Хотя уста монаха произносят молитвы, мысли его занимает актриса Таис. Она прекрасна в своем грехе. Сердце Пафнутия разрывают терзания. Он решает помочь ей очиститься от греха. Вера — вот что предлагает Пафнутий девушке взамен на ее жизнь, полную развлечений, пиров и искушений. Но прав ли Пафнутий, подавляя в себе любовь...

УДК 821.133.1